

Николай Васильевич Гоголь

Черновые наброски
(Другие редакции)

Содержание

<АЛЬФРЕД.>	0004
ДЕЙСТВИЕ I	0004
ДЕЙСТВИЕ II	0047
<ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ДРАМЫ>	0054
I	0054
[II.]	0058
<НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ>	0062
ВАРИАНТЫ	0070
АЛЬФРЕД	0070
ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ДРАМЫ	0093
<НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ>	0096
КОММЕНТАРИИ	0100
АЛЬФРЕД	0100
ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ДРАМЫ	0111
НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ	0113

Николай Васильевич Гоголь

Черновые наброски

<АЛЬФРЕД.>

ДЕЙСТВИЕ I

Народ толпится на набережной.

Один из народа. Ай, что ты так теснишь!
Пустите хоть душу на покаянье!

Другой из народа. Да посторонитесь ради бога!

Голос третий. Эх, как продирается! Чего тебе? Ну, море, вода, больше ничего. Что, не видел никогда? Думаешь, так прямо и увидишь короля?

<Туркил>. Ну, теперь, как бог даст, авось будет лучшее время, когда приедет король. Вот не прогонит ли собак-датчан?

— Ты откудава, брат?

Туркил. Из графства Гертинга. Томе Тур-

кил. Сеорл.

— Не знаю.

<Туркил>. Бежал из Колдингама.

— Знаю. Где монахинь сожгли. Ах, страх там какой! Такого нехристианства и от жи-дов, что распяли Христа, не было.

Женщина из толпы. А что же там было?

— А вот что. Когда узнали монахини, что уже подступает Ингвар с датчанами, которые, тетка, такой народ, что не спустят ни одной женщине, будь хоть немного смазлива... дело женское... ну, понимаешь... Так игуменья — вот святая, так точно святая! — уговорила всех монахинь и сама первая изрезала себе всё лицо. Да, изуродовала совсем себя. И как увидели эти звери — нет хороших лиц, так его не оставили и пережгли огнем всех монахинь.

Голос. Боже ты мой!

Голос в толпе. Эх, англо-саксы...

Другой. Сильный народ проклятый.

— Конечно, нечистая сила.

— Что, как <в> вашем графстве?

— Что в нашем графстве? Вот я другой месяц обедни не слушал.

— Как?

— Все церкви пусты. Епископа со свечой не сыщешь.

— От датчан дурно, а от наших еще хуже. Всякий тан подличает с датчанином, чтоб больше земли притянуть к себе. А если какой-нибудь сеорл, чтоб убежать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся в покровитель<ство> тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чем чужому, — еще хуже: так закабалят его,

что и бретон так<ого> рабства не знал.

— Ну, наконец, мы приободримся немного. Теперь у нас, говорят, будет такой король, как и не бывало — мудрый, как в Писании Давид.

— Отчего ж он не здесь, а за морем?

Другой. А где это за морем?

— В городе в Риме.

— Зачем же там он?

— Там он обучался потому, что умный город, и выучился, говорят, всему-всему, что ни есть на свете.

Другой голос. Какой город, ты сказал?

— Рим.

Другой голос. Не знаю.

— Рима не знаешь? Ну, умен ты!

Другой. Да что это Рим? Там, где святейший живет?

— Ну, да, конечно. Пресвятая дева! Если бы мне довелось побывать когда-нибудь в Риме! Говорят, город больше всей Англии и дома из чистого золота.

Другой голос. Мне не так Рим, как бы хотелось увидеть папу. Ведь посуди ты: [выше] уж нет никого на свете, как папа, — и епископ и сам король ниже папы. Такой святой, что какие ни есть грехи, то может отпустить.

— Вот слышишь ли кто-то говорит, что видел папу.

Голос народа на другой стороне. Ты видел папу?

Брифрик из толпы. Видел.

— Где ж ты его видел?

<Брифрик>. В самом Риме.

<Голоса>. Ну, как же? — Что он? — Какой?

Народ сталкивается в ту сторону.

Голоса. Да пустите! — Ну, чего вы лезете? — Не слышали рассказов глупых?

Брифрик. Я расскажу по порядку, как я его видел... Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мне все<то> только половину hudes земли. Тогда я сказал себе: «Зачем тебе, Брифрик, сын Квикельма, обрабатывать землю, когда ты можешь оружием добиться чести?» Сказавши это себе, я поехал кораблем к французскому королю. А французский король набирал себе дружину из людей самых сильных, чтобы охраняли его в случае сражения или когда выедет куда, то и они бы выезжали, чтобы, если посмотреть <?>, так хороший вид был. Когда я попросился, меня приняли. Славный народ! Латы лучше не в сто мер наших. Кольчуги такие ж, как и у нас, только не все железные. В одном месте, смотришь, — ряд

колец медных, а в другом есть и серебряные. Меч при каждом, стрел нет, только копья. Топор больше, чем в полпуда — о, куды больше! а железо такое острое<?> — то, что у старого Вульфинга на бердыше, ни к чорту не годится!

Вульфинг из толпы. Знай себя!

<Брифрик>. Вот мы отправились с французским королем в Рим, что<б> папе почтение отдать. Город такой, что никак нельзя рассказать. А дома и храмы божию не так, как у нас строятся, что крыши востры, как копье, а вот круглые — совсем как бы натянутый лук, и шпиц<ев> сов<сем> нет. А столпы везде, и так много и резьбы и золота, великолепия такое!.. — так и ослепило глаза. Да, теперь насчет папы скажу. В один вечер пришел товарищ мой, немец Арнуль. Славный воин! Перстней у него и золотых крестов, добытых на войне, куча, и на гитаре так славно играет... «Хочешь», говорит, «видеть папу?» — «Ну, хочу». — «Так смотри же, завтра я приду к тебе пораньше. Будет сам папа служить».

Пошли мы с Арнулем. Народу на улице — боже ты мой! — больше, чем здесь. Римлянки и римляне в таких нарядах!.. — так и ослепило глаза. Мы протолкались на лучшее место, но и то, если бы я немножко был ниже, то ничего бы не увидел за народом. Прежде всех пошли мальчишки лет десяти со свечами, в вышитых золотом [платьях], и как вышли они — так и ослепило глаза. А ход-то, весь ход! Ход был выстлан красным сукном. Красным-красным, вот как кровь... Ей богу, такое красное сукно, какого я и не видал. Если бы из это<го> сукна да мне верхнюю мантию, то вот, говорю вам перед всеми, то не только бы свой новый шлем, что <с камнем и позолотой, который вы знаете, но если бы прибавить к этому ту сбрую, которую пром<енял?> Кенфус рыжий за гнедого коня, да бердыш и рукавицы старого Вульфинга и еще коня в придачу — ей богу, не жаль бы за эту мантию! Красная-красная, как огонь!..

Голос в народе. Чорт знает что! Ты рассказывай об папе, а какая нужда до твоих мантий!

Вульфинг из толпы. Хвастун! Расхвастался!

Брифрик. Сейчас. Вот вслед за ребятами пошли те... как их? Они с одной стороны сдают на епископов, только не епископы, а так, как наши таны или бароны в рясах... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти все таны или епископы, как вышли — так и ослепили глаза. А как показался сам папа, то такой блеск пошел — так и ослепил глаза. На епископах-то, всё серебряное, а на папе золотое. Где епископы выступают — там серебряный пол, а где папа — там золотой. Где епископы стоят — там серебряный пол, а где папа — там золотой...

Голос из толпы. Бровинг! Корабль! Ей богу, корабль!

Все бросаются, Брифрик первый, и теснятся гуще около набережной.

Голоса в толпе. Да ну, стой, ради бога! — Задави<ли> — Да дайте хоть назад выбраться!

Голос женщины. Ай, ай! Косолапый медведь! Руку выломил! Ой, пропусти! Кто во Христа верует, пропустите!

Брифрик (оборачиваясь). Чего лезешь на плечи? Разве я тебе лошадь верховая? Где ж король? Где ж корабль? Экая теснота!

Голос в народе. Да нет корабля никакого!

— Кто выдумал, что король едет?

— Да кто же? Ты говорил!

— И не думал.

— Да кто ж сказал, что король?

— Джон Шпинг сказал, что король едет.

— Эй, Шпинг, зачем ты сказал, что король едет?

<Шпинг>. Эй богу, любезный народ, совсем

было похоже на корабль.

— Вперед молчи, дурак, если не хочешь сам поплыть.

Старуха (пролезая вперед). Нашли чего толкаться! И куды? Ведь никого нет.

Брифрик. А, Кудред! Откудова, приятель?

<Кудред>. Из дому.

<Брифрик>. Короля видеть пришел?

<Кудред>. И побольше, чем видеть.

<Брифрик>. А что еще?

<Кудред>. Жалобу прямо самому королю.

<Брифрик>. На кого?

<Кудред>. На королевского тана Этельбальда.

<Брифрик>. Ты шутишь, братец?

<Кудред>. Нет, не шучу.

Голоса в народе. Вишь, на Этельбальда жалуются! — Он сошел с ума! — Да он ведь сильнее всех в королевстве! — Войска и богатства у него больше, чем у короля.

Эгберт. Кто несет жалобу на Этельбальда, тот подай мне руку. Хоть ты и простой сеорл, а я тан, но я пожимаю, потому что ты честный человек и англосакс. Я тебе буду помогать. [По-видимому, сюда относится приписка на соседней странице (возможно, реплика Киссы):

А я расскажу королю, что ты жид, а не христианин, язычник скверный, [что у тебя] что ты никогда не крестишься. — Я знаю, кому ты молишься у тебя на дому есть деревянный болван. Ты ему целуешь руки, язычник скверный... Тебе нужно монастырское покаяние, если не мог...]

Брифрик. За что ж жалуешься?

<Кудред>. За что? Этельбальд, хоть и королевских танов всех старше, но подлец и мошенник. Когда датчане ворвались в Вессекс и начали грабить, я прибегнул к нему, свинье. Думал, он богач и столько имеет земли, что зачем ему бы обижать меня. Я обещался ему, если надобность, первы<м> явиться в его войске и лошадь привести свою и всё вооружение мое. А он, мошенник, как только датчане ушли, совсем зачислил меня в свои рабы. За что я должен ему мостить чертовский мост к его замку и на моих двух лошадях, самых благородных, возить фашинник? А теперь, когда я отлучился по надобности в графство Гексгам, он взял мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше 2 гидес, и отдал в лен какому<-то>, а мне отдал двенадцать шагов песчанику за кладбищем. — «Вот тебе», говорит, «земля». Да разве я, старый плут, раб твой? Я вольный. Я сеорл. Я, если бы только захотел, прикупил еще два hudes земли, да выстроил церковь и дом, я бы сам был таном. Никто по законам англосак-

ским не может обидеть и закабалить вольного человека. Разве я сделал какое преступление?

<Брифрик>. Да ходил ли ты с жалобой в ваш ширгемот?

<Кудред>. Подлецы все! Держут его сторону.

<Брифрик>. Ну да всё-таки, как же порешили?

<Кудред>. Вот на тебе бумагу, если ты прочтешь.

<Брифрик>. Что ты! Э, так у вас судьи пишут? Слышь ты, народ, писанная бумага! У нас во всем ширстве, да и во всем Вессексе ни один шир, ни алдерман не умеют писать. Вишь ты какие каракульки. Тут где-нибудь должно быть А В С... Я уж знаю, меня было начинал учить один церковник.

Туркил (Вульфингу). Я думаю, нет мудре-

нее науки, как письмо.

<Вульфинг?>. Попы всё-таки прочтут.

Брифрик (обращаясь к Кисее). Высокородный тан, прочти-ка. Ты, верно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! Я тебе не поп.

Гунтинг. Давай, я прочту.

Туркил. Кто он?

Вульфинг. Не знаю.

Голос. Это, видишь, тот, что был школь<ным> учителем. Да теперь датчане разорили школу.

<Гунтинг> (читает). «Да будет ведомо: в Schirgemot Агельмостане, в графстве Герсфорд, во время царствования Этельреда, где...»

— А, при покойном короле! Храбрый был

король, всю жизнь бился с этими мерзкими датчанами.

<Гунтинг> (продолжает). «...где заседали: Дунстан епископ, Кеолрик алдерман, Варвик — его сын, и Эсквин — сын Пентвина и Туркил косоглазый, как комиссары короля заседали...»

Вульфинг. Слышишь, Туркил? Это ты?

Туркил. Разве я косоглазый?

<Гунтинг> (продолжает): «...в присутствии Брининга шерифа, Ательварда де Фрома, Леофина де Фрома черного, Годрига де Штока и всех танов графства Герефорта, Кудред — сын Эгвинов — представил суду против высоко^ородного графа и королевского тана в том, что якобы он, Кудред, от него, выс^окородного графа Этельвальда...»

(В народе крик и давка). Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться! — Батюшки, батюшки, тресну! Со всех сторон придавили!

Высокий (болтает вверху руками). Чего эти бабы лезут, желал <бы я знать> <?>.

Брифрик. Чего народ лезет? (Продирается).

— Да взбеленился просто, никого нет. Какой-то дурак опять пронес, что корабль показался.

Кудред (кричит). Бумагу, бумагу, бумагу дай! Экой трус, изорвал...

Кисса. Да кто сказал, что король едет?

<Голоса>. Я не говорил. — Я не говорил. — Опять верно Шпинг.

Шпинг. Нет, высокородный тан, и языком не воротил.

Брифрик. Ей богу, глупый народ! Ну что, хоть бы и в самом деле был корабль.

Вульфринг. А сам, небось, первый полез.

Брифрик. Что ж! Только посмотреть.

Один из народа. Вот таны поехали на лошадях. Это верно встречать короля.

Рыцарь на лошади. Дорогу, дорогу! Народ, посторонись!

<Эгберт>. Кому дорогу?

<Рыцарь на лошади>. Посторонись, говорят тебе! Дорогу высоко<кородному> королевскому тану Этельбальду.

Эгберт. Отнеси ему эту пощечину. (Бьет его и убегает).

Рыцарь (кричит). Мы увидимся, проклятый длиннорукий чорт!

<Вульфинг>. Вон поехал граф Эдвиг. Видел?

<Туркил>. Видел. Славное вооружение.

<Вульфинг>. Вон Этельбальд. Гляди, какой около него строй стоит — в толпе рыцарей, как в лесу. Эх, как одеты славно! Какие кирасы, щиты! Ей богу, если б хотели, побили датчан.

Туркил. Отчего ж не хотят?

<Вульфинг>. А так. Сами держат руку неприятелей.

<Туркил>. Ну, вот!

<Вульфинг>. Почему ж не побить? Ведь наших впятеро будет больше, если собрать всех саксонов, а англоv-то одних всадников будет на всю дорогу от Лондона до Йорка! А датчан всех-на-всех трех тысяч не будет.

<Туркил>. Э, любезный приятель мой! Как твое имя? Вульфинг?

<Вульфинг>. Вульфинг.

<Туркил>. Так будем приятелями, Вуль-

финг

<Вульфинг>. Вот тебе рука моя.

<Туркил>. Не говори этого, любезный Вульфинг. Им помогает нечистая сила, тот самый сатана, о котором читал нам в церкви священник, что искушает людей. Они, брат, и море заговаривают. Вдруг из бурн<ого> делается тихо, как ребенок, а захотят — начнет выть, как волк. Наши всадники давно бы со-владали с ними...

<Вульфинг>. Народ опять затеснился. Да и сами таны махают шапками. Посмотрим, верно, король наконец едет.

Голос в народе. Ну, теперь корабль, так корабль!

Туркил. Опять пошла теснота!

Голо<с>а. Корабль с тремя ветрилами. — Зачем дерешься? — Не лезь вперед!

— Вон и люди, как мухи, стоят на палубе.

— А что ж не видно короля?

— Где ж теперь его увидишь? Людей много-много.

— Вон что-то блеснуло перед солнцем!

— Скоро идет корабль. Видно, что заморской работы! Вон как окошечки блестят. У нас таких кораблей нет.

— Это должен быть, что блестит, тан.

— Нет, вот тот больше блестит. Смотри — какой шлем, какое богатое убранство!

<Вульфинг?>. Это всё те таны, что поехали за ним в Рим с посольством.

<Туркил?>. Где ж король? Ведь король в короне.

Вульфинг. Да еще не короновался.

<Туркил?>. А, вон снял шляпу... Таны машут... Виват король!..

Весь берег (кричит). Виват, король!.. Здравствуй, король!..

— Вон снова машут... Здравствуй, король!..

Народ. Здравствуй, король!

Всадник на лошади. Расступись, народ! (Машет алеба<рдой>. Народ пятится, прижатые кричат).

<Туркил>. Что он так кричит? Кто это?

<Всадник>. Тан из Кенульф, сын Эгальдов. Тан из Медлисекса, славный воин.

Корабль подходит к самому берегу. За столпившимся народом видны только головы.

Альфред (сходя с корабля). Здравствуйте,

добрые мои подданные.

<Народ>. Здравствуй, король! Виват!

(Король и свита поднимаются на лошадях на народ).

Народ. Виват! Виват, король!

Альфред. Благодарю, благодарю вас, мои добрые. Я сам не менее рад видеть вас и мою отцовскую землю Англосаксию.

Эгберт. Слышишь? Англосаксию! Он, верно, не знает, что Мерси и Эст-Англ уже не наши.

Король уезжает. Таны и народ с восклицаниями тянутся за ним.

<Туркил?>. Молодец король — видный, рослый, лучше всех. Как он славно выступал, словно сокол <?> Я думаю, латы его стоят больше, чем твоя жизнь. Пойдем, посмот<рим>.

<Вульфинг?> Постой! Зачем же итти? Глянь, за ними не угнаться: они на лошадях и во всю рысь поедут в Йорк.

<Туркил?> Отчего ж не в Лондон?

<Вульфинг?> Видишь, в Лондоне приготовят всё как следует, а когда приготовят, тогда и он поедет.

Эгберт (возвращаясь). Нет, я не хочу быть последним. Я такой же тан. У меня тоже было в услужении 16 танов ситкундменов. Правда, я потерял много в войну. У меня теперь нет этого. Но я защищал землю нашу. Отчего граф Эдвиг, Кенульф, не говоря уж о собаке Этельбальде, молокосос сын его, рыжебородый Киль, — почему они имеют право провожать короля в первом ряду? Отчего я должен следовать еще за двумя танами? Я хотел был<о> сбить с седла копьём плута Киля, да не хотел только сделать этого при короле.

Кисса. Дьявол ему на шею! Я рад, по край-

ней мере, что король приехал. Датчан опять за море, завоюем опять Эст-Англию, Мерси и Нортумберланд также; хоть и разоренная страна, однакоже, есть добрые земли для скота и для пашен.

<Эгберт>. Мне король понравился — добрый молодец. Пойду к нему прямо и суну ему руку по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вот тебе рука! При первой надобности всегда привожу 14 тебе всадников, вооруженных, с добрыми конями, и сам пятнадцатый. А надежный ли человек? Вон, гляди <?>, сколько рубцов у меня». Пойдем, Кисса, выпьем его здоровье. Эй, Кудред! Тебя обидел Этельбальд? Будь завтра в Лондоне, спроси тана Эгберта, тана из графства Сомерсетского. Меня знают.

Кудред. Ну, теперь, я думаю, король укротит немного танов.

<Вульфинг?>. Да что ж король? Ведь король не может сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебе приказываю». Что скажет вите-

нагемот?

<Кудред?> Да беспорядков верно будет меньше. Что ни скажет, а всё будет лучше. По крайней мере, можно будет по дороге пройти безопасно. Чем живешь, Вульфинг?

<Вульфинг>. Один hudes земли держу от тана.

<Кудред?>. [Платишь хлебом?]

<Вульфинг>. Нет, еще никогда не марал рук своих в земле.

<Кудред?> Кто ж ты?

<Вульфинг>. Пастух. Шесть десятков овец и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если ты хочешь, пришлец, отдохни у меня. Ты будешь есть сыр и молоко, каких не сыщешь во всем Вессексе. А завтра ранним утром мы отправимся в Лондон смотреть королевский праздник. Гляди, чего народ опять

смотрит? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голос в народе. Корабль, опять корабль!

<Кудред?>. В самом деле корабль! Что ж это? Верно, — тоже королевская свита?

Туркил. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсем не так сделаны. Постой, рассмотреть поближе — и народ как будто не так одет.

Один из толпы (всплескивая руками). Саксонцы? Убежим, убежим!..

Кудред. Что такое?

Одна из толпы. Морской король!

<Кудред?> Нет, что ты!

<Туркил?>. Как христианин, не лгу! Разве вы не видите, что датский корабль!

<Голоса?> Ай, народ, точно — датчане! — Вон машут, чтобы остались. — Да, как бы не так! — Бежим, друзья!

Все в беспорядке убегают.

Корабль виден у берега. Руальд висит на мачте.

Голос Губбо. Перекидай канат.

Руальд (сверху). Кормщик, бери ниже: там мель.

(Норманд плывет с канатом в зубах).

<Руальд>. Еще ниже. Еще ниже. А, народ проклятый? Весь разбежался! Теперь прямо. Норманд, хватай крюком!.. Стой!

Губбо выходит с корабля. Ну вот мы и в Англии. Тащите старшую лодку н<а> берег. (Вытаскивают лодку).

Губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожи-

даться ли нам Ингвара или теперь налететь и окропить наши доспехи алою, как перед бурей вечерняя заря, кровью саксонцев, а?

<Воины?>. Наши копья готовы.

<Руальд>. Не лучше ли, король мой Губбо, послать проведать узнать о числе неприятеля?

<Губбо>. Это ты, Руальд, говоришь? Тебя, верно, не море пеленало. За эти слова тебя стоит вышвырнуть в море. «Какой храбрый когда спрашивает о числе?» — говорил отец мой Лодб<род>, победивший на 33 сражениях.

<Руальд>. Губбо, сын Лодбродов! Ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вместе с братом Гримуальдом срамили себя перед дружиною? Разве я когда-нибудь в жизни грелся у очага или спал под крышей? Разве платье мое на мачте сушилось, а не на мне?

<Губбо>. Прости, Руальд. Брат твой Гримуальд был славный воин. Мы лишились, дру-

ги, храброго товарища. Великий Оден! Какая была буря и битва! Ветер оборвал во тьме наши платья и морские брызги пронзали разгоревшиеся лица наши. Клянусь моим мечом и копьем, ничего бы не пожалел за такую участь: завидная участь! Теперь Гримуальд пирует с легионом храбрых. Сам Оден наливает ему чашу из широкого черепа и говорит ему: «А сколько ты, Гримуальд, получил ран на последней битве?» «Ран 17 и 4», отвечает ему Гримуальд. «Сильный воин! Вот тебе, Гримуальд, бессмертные лани с лоснящейся как серебро шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая их далеко достающим копьем». Слушай, Стемид, теперь <не> время, но когда будем пировать на покрытых пылью саксон<ских> трупах и зажжем альбионские дубы, ты спой нам песню о подвиге Гримуальда. Знаешь, какую песню? Такую, чтобы в груди всё встрепенулось: отвага, самое бешеное веселье, и руки схватились за рукояти мечей... Но следует теперь сказать вам, мои товарищи, что мы будем делать. Англия земля хорошая: скота, пажитей и земель в ней много. В Нортумберландии и в Мерси, где уже посели-

лись соотечественники наши, жители бедны, но здесь жилища, а более всего церкви, очень богаты, и золота в них много. Каждому достанется на золотую цепь. Мечи у англосаксов славные. Они достают их издалека. Мы можем тут себе выбрать любые мечи и копья и всё вооружение. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мне и вам: у англосаксов девы белизною лица, как наши скандинавские снега, окрапленные алой кровью молодых ланей. Но стойте, товарищи! В Англии воинов, которые станут под мечом и копьем на конях, несметное множество. Только из них Оден никого не примет в Валгал к себе, потому что они презренные христиане. Помните и то, что ныне будут наши соотечественники, и как только нападём с одной стороны, они нападут с другой... Видите ли, как тут хорошо и тепло. В нашей Скандинавии нет это<го>. Тут зимы всего только два месяца.

Руальд. Я себе отвоюю лучший замок во всей Англии. Девять десятков англосакских рабов будет прислуживать мне за чашею пир-

Шества.

— Что, конунг Губбо, правда ли что есть где-то земли еще теплее?

<Губбо>. Есть.

— И что зимы совсем не бывает?

Губбо. Ну, этого нет — чтобы зимы совсем не было. Зима есть. Нужно, одн<ако>, попробовать. Мы с тобою, Элгад <?>, пустимся потом далее. Скучно долго жить на одном месте. Чтобы и там, по ту сторону океана, вспоминали нас в песнях. Клянусь всей моей сбруей, приедешь оттуда на вызолоченном корабле. Красная, как огонь, мантия, и весь будет убран дорогими каменьями шлем. Крыло на нем будет, как вечерняя звезда, сиять. И как приеду к первой царевне в мире, скажу: «Прекрасная царевна, я, король, пришел, горя любовью к твоим голубым очам. Его рука поразила сто и сто десятков витязей, и пришел король Губбо взять тебя этою самой рукой вместе с приданным, которое приготовил тебе пре-

старелый отец твой».

<Воины>. Виват, король Губбо!

<Губбо>. Виват и вы, товарищи! Теперь идем. Вы два, Авлуг и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть...

—

Альфред, окруженный танами и графами королевства. Благодарю, благодарю вас, благородные таны, за ваше поздравление. Я надеюсь, что вы окажете с своей стороны мне всякую помощь разогн<ать> варварство и невежество, в котором тяготеет англосакская нация.

Граф Эдвиг. Я всегда готов. 50 вооруженных всадников всякую минуту может требовать государь.

Граф Этельбальд. Рука моя и моих 80 вассалов принадлежат тебе, государь мой.

Сифред. Всякое законное требование государя готов выполнить. 20 конных и 140 пеших стрелков.

Клеобальд. В моей стране лошадей мало, но пеших сколько могу собрать...

<Альфред>. Вы ошибаетесь, друзья. Не этой помощи я требовал от вас, на которую, конечно, имею всегда право. Но я разумел о том благодетельном просвещении, которого нет в Англии. Я вас просил споспешествовать мне научить англосаксов искоренить грубость нравов, которая, как старая кора, пристала к ним.

Таны в безмолвии. Некоторые расставляют руки, рассуждая, что́ это значит.

Эдвиг. Как же, государь, ты говоришь, что англй и саксы грубы? Да ведь они покорили Англию!

<Альфред>. Ну, против этого мне ничего не

остаётся говорить. Этот, кажется, кроме войны и думать ни о чем не хочет. Видел ли ты, Эдвиг, своего сына?

<Эдвиг>. Видел, государь.

<Альфред>. Что ж, как нашел его?

<Эдвиг>. Хорош малый, да чуть ли к черно-книжию непристрастен и копьём плохо владеет.

<Альфред>. Нет, Эдвиг, ты должен благодарить бога за такого сына. Этот день побудь с ним, а завтра пришли ко мне. Мы с ним были друзья во всю бытность в Риме. Давно не видел я Англию. Препрежнее время свое, как свой сон, помню. Ведь тут должны уцелеть ещё остатки римских па<мя>тников. Существует ли та стена, которую выстроил император Константин в Лондоне, и бани близ Йорка, <выстроенные> римлянами?

<Эдвиг?>. Не знаю, государь, о каких ты римлянах говоришь.

<Альфред>. Римляне — народ, который завоевал Англию и которому были подвластны бритты.

<Эдвиг?>. Бритты были, это правда, а римлян, государь, никаких не было.

<Альфред>. Ты не знаешь, потому что не читал. Римляне были народ великий. Они покорили весь мир и в том числе Британь.

<Эдвиг?>. Воля твоя, король, римляне и живут в Риме. Нет, король, это тебе солгали. У нас есть старики, которые помнят, как покорили саксы народ, которого храбрее еще никого не было. И те говорят, что были одни только бритты.

<Альфред>. Ну, об этом тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчет об нынешнем положении государства и о всех происшествиях, бывших без меня по кончине брата моего Этельреда. Об отдыхе моем не беспокойтесь. Отдох-

нуть я успею. Ты, Этельбальд, так как старший в государстве и первый советник в витенагемоте, расскажи мне подробно все.

<Этельбальд>. Всё хорошо, государь. Со стороны датчан только худо. Впрочем, дорога от Йорка до Лондона поправлена и была мощена всё время. Зверинец твой в исправности. Все королевские твои латы, щиты отцовские и добытые покойным братом твоим Этельредом я сохранил в исправности.

— Врет, старый мед<ведь>! Лучшее копьё стянул себе.

<Альфред>. Ты, Этельбальд, говоришь о моем хозяйстве. Это дело пустое. Я просил тебя рассказать — как государство, в каком положении.

Граф Эдвиг. В гадком положении государство. Сеорлы и бретонские рабы ничего <?> не выплачивают. Поля очень опустошены датчанами. Не на что вооружить рыцаря. Лошади мерзость.

<Альфред>. Зачем вы позволили датчанам взять Мерси и Эст-Англию?

— Что ж делать, король. Покойный король, брат твой, храбро сражался, да сильнее перетянула сила... Они знаются с дьяволом, с ними из моря находят морские чудища.

<Альфред>. Брат мой Этельред сражался, как должно храброму доблестному саксонцу, но вы были виною, непокорность вассалов была причиною.

Сифред. Если б я имел землю в Эст-Англии или Мерси, я бы защитил ее моею рукою и руками моих вассалов, но у меня свои земли есть.

Альфред. Да умели ли вы свои защитить? Отчего по всей дороге, по которой мы ехали, пустые пажити и две развалившиеся церкви? Малолюдный гирд<?> датчан издевался над вами, а вы, хорошо вооруженные христиане, могли вынести это?

— Браво, о король! — Вот король! — Прозорлив, как горный орел!

<Сифред?>. Я никогда не был бесчестным и всегда готов, и если бы граф Мидл<ьсекс?> не поссорился со мною<?>, я бы не впустил датчан, и Вессекс и его бы владения спас.

<Альфред>. И виною вы же, вы, через свои мелкие ссоры. Мне очень не нравится это ваше феодальное обыкновение. Бог знает что такое? Всякий управляет, как ему хочется. Высшему не повинуются, между собою не согласны. В государстве должно быть так, <как> в Римской империи: государь должен повелевать всем по своему усмотрению, как ему захочется.

Одон (потупляет глаза). Гм! Я что-то не вполне понял это. Ведь англосакский всякий тан, вольный и свободный человек, разве возьмет землю, собственность короля...

<Альфред>. Отчего я не вижу здесь ни од-

ного епископа? Один только дряхлый старик и вышел меня встретить.

— Епископ Вессекский убит во время войны с датчанами, а Адельстан из Кента умер.

<Альфред>. И никто не позаботился о том, чтобы избрать на место!

Арвальд. Нет, король, в том нет нам укоризны. Все таны нарочно собрались, но некого было избрать в епископы. Не нашли такого, который мог бы читать святое письмо.

<Альфред>. Будто уже в Англии нет ни одного священника, умеющего читать? Ведь еще отцом Этельвальдом заведена была коллегия.

— Коллегии давно уж нет.

<Альфред>. Где же она?

— Сожжена датчанами.

<Альфред>. Опять датчане! Да что это за бич такой, датчане? Или Англия состоит вся из трусов или в самом деле датчане... Что это за человек? Что ты?

<Вестник>. Король!

<Альфред>. Что?

<Вестник>. Датчане ворвались и грабят Лондон.

Король (в изумлении). Как легки на помине!.. Ну, господа таны и графы! Нам приходится сию минуту думать о вооружении. Нечего делать, нужно всё отложить в сторону.

— Я готов.

— Все вассалы уже при мне, государь.

— Мое войско всегда со мною.

Этельбальд. Для тебя, государь, всё рад принести.

Арвальд. В одну минуту буду снаряжен.
(Уходит).

<Альфред>. Да, шумно начинается мое царствование. Дайте и вы все, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанам.

<Таны>. Спасителем Иисусом и девой Марией клянемся!

<Альфред>. Идем и сейчас на коней! Но прежде я хочу обсмотреть войска ваши. Ну, король, яви теперь деятельность души. Вот тебе то поле, которое ты рвался возделать. Много работы предстоит. Страшные перспективы: внести туда пламенный наук и познаний, где их в помине нет, где нет букваря во всем государстве... Подвести под законы и укротить своевольное неустройство этих беспокойных магнатов государства, глядящих лесным <зверем?>, а вдобавок и на плечах неприятель... Дай, боже, силы!.. (Уходит).

Цеолин. Как мне нравится король!

Эдрик. Ты не знаешь его еще, Цеолин, хорошо. Это бог.

Эдвиг. Что, Кедовалла, у тебя все вооружены?

<Кедовалла>. Все.

<Эдвиг?>. Что король? Ведь, кажется, молодец?

<Кедовалла>. Да, кажется, храбрый. Да что-то так...

<Эдвиг>. Что?

Кедовалла. Мудреный что-то.

ДЕЙСТВИЕ II

Альфред, граф Этельбальд, граф Эдвиг, Цеолин, Кедовалла с толпою воинов входят на сцену.

Альфред. Мне еще не верится, чтобы мы были побеждены. Горсть, разбойничья шайка, не более, и перед этой шайкой не могло устоять пятнадцат<ь> [тысяч] всадников и цвет саксонской нации и 90 тысяч пеших! Что скажете вы на это, столпы этой нации, благородные таны?

Граф Эдвиг. Король, распусти нас. Я соберу всех слуг своего замка, сам выгоню моих васалов. Пусть каждый сделает то же.

<Альфред>. Граф, ты сед волосом, а даешь такой совет. Нет, благородные таны, всё теперь зависит от нас самих и от нашей решимости. Уступим — мы потеряем всё, возрастим гордость неприятельскую. Клянусь, мы им дадим и уверенность в их непо<бе>димости, и тогда кто против них? Вы видели, как

они неслись в битве. Один шаг назад — и дерзость их возрастет, как Голиаф. Бароны, одно нам средство! Здесь нечего думать. С этими же самыми силами обратить отступление в нападение, покамест не узнала о нашем поражении нация.

<Кедовалла>. Король, ты видел сам, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думал о своей жизни. Но клянусь пресвятой матерью, за них стоит демон! Я видел сам, как его темный образ мчался рядом с этим непобедимым Губбо. Мои вассалы в первый раз побледнели от страха. Мои латы, которые окропил епископ два года назад, в первый раз пробиты <?>.

Альфред. Какое черное невежество веет от Кедоваллы! Тебя, я знаю, не уверишь, потому что твоя душа в старой коре. Но, таны, как видно, что недавно приняли христианскую веру и не смыслите ничего в ней! Вы испугались злого духа! Разве злой дух может устоять против бога? Разве есть что на свете больше христианского бога? Вы видели, с ка-

ким криком и острым копьём стремились в наши ряды эти морские люди. А отчего? Потому что призывали поминутно языческого бога их Одена, который — пыль и прах перед богом христианским. А вы не надеетесь! Какие вы христиане! За вас Христос и пречистая дева...

<Таны?>. Король, идем! Ни двух шагов земли датчанам!

Часть народа и всадников. Король, датчане...

<Альфред>. Стой!

<Всадник>. ...гонятся!

<Альфред>. Все таны ни с места! Далеко датчане?

<Всадник>. По пятам нашим...

<Альфред>. Во имя святой Марии! не подавайся<?>, как кельданские скалы.

Врывается на сцену дружина датчан. Саксонцы встречают копьями. Начинается сеча.

Губбо. Сыны Одена! не полон будет пир наш, если не сокрушим англо<саксов>.

<Альфред>. Англосаксы! не забывайте — с нами Христос и Мария.

Губбо. Ринальд, Ринальд! тихо гремит твой меч. Мало искр вышибает твое копьё из неприятельских лат.

Ринальд. Нет, король Губбо, кровь от вражеских трупов отуманила твой взгляд.

Альфред. Христиане, крепитесь! Святой Георгий на белом <коне> за нас!

<Губбо>. Оден! рука моя дымится кровью, а Ингвара нет со мною. Ринальд, Ринальд! За чем избит шлем твой? Не дрожат ли твои перси?

<Ринальд>. Еще станет, король мой Губбо!
Вот тебе, собака!.. Сыны Одена доставят черепов на пиршественные чаши.

<Альфред>. За Марию, за Христа, англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, язык сохнет, а Ингвар мой не летит на помощь!

Ринальд (падая). Оден! Готовь мне место в Валгале!

— Вот тебе, собака датчанин! (Протыкает ему голову копьем).

Альфред. Англосаксы! победа за нами!

Губбо. Отдыха не будет тебе, Альфред, до коих пор меч играет в руках моих.

Альфред. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружие.

<Губбо>. Никогда! Ты думаешь, что сыны

Одена когда-нибудь соглашались быть чьи<ми> бы то ни было рабами?

<Альфред>. Мне не нужно, Губбо, твоей свободы, я не отнимаю ее. На два слова.

Губбо тотчас останавливается. Обе стороны опускают копья.

<Альфред>. Я готов заключить с тобою <мир> и пощадить <1 нрзб.>остаток твоих товарищей с тем, чтобы ты теперь же немедленно отправлялся за море, принес клятву, по обычаю своей религии, никогда не являться у берегов Англии. Оружие всё при вас остается. Всё, что ни имеете на себе, не будет тронуто.

<Губбо>. Король Альфред, я соглашаюсь.

<Альфред>. Итак, храбрый, произнеси клятву.

<Губбо>. Клянусь моим Оденом, моею сбруею, моим вызубренным мечом, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будем нападать

на твои владения, а когда не выполню моей клятвы, да будем желты, как медь на латах наших! Да обратятся наши копья на нас же самих!

Альфред. Слышите вы все клятву? Губбо, ты свободен. Ступай! Твои ладьи ждут у берегов.

<Губбо>. Пойдем, товарищи. Нам не стыдно глядеть друг на друга. Мы бились храбро. Не сегодня — завтра, не здесь — в другом месте, нанесут наши ладьи гибель неприятелям, носящим золотое убранство...

<ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ДРАМЫ>

I

<Баскаков>. [Перед данной репликой ввер-
ху страницы конец реплики предше-
ствующей: [иногда чувствуешь] понятно это
ужасное чувство. Убить <несколько слов
нрзб.>] А, забрало, наконец. Какое это непо-
стижимое явление! Подлец последней степе-
ни, мошенник, заклеяменный печатью позо-
ра, для которого одна награда — виселица, и
этот человек, попробуй кто-нибудь коснуться
его чести, назвать его подležом: «Как вы сме-
ете, милостивый государь, поносить честь
мою? Я требую удовлетворения за вашу оби-
ду. Вы нанесли мне такую обиду, за которую
<пропуск> омыть кровью». Бездельник! И он
стоит за честь свою, за честь, которая состав-
лена из бесчестия.

<Валуев>. Я не в силах более перенести это-
го! На этом ме<сте>, здесь же мы деремса.

<Баскаков>. Что? А! (Становится спиной к дверям). Дуэль. Поединок. Неправда. Нет, братец. Эдаких подлецов не вызывают на поединок. Для тебя нет этого удовлетворения. Этого для моей чести уже было бы слишком, чтобы я дрался с каторжником, которого ведут в Сибирь. Дуэль? Нет, тебя просто убить, как собаку. Бедное животное, благородное животное, прости, что я унизил сейчас<?> тебя, сравнивши с этим гнусным творением.

<Валуев>. (В бешенстве подбегает к окну). Эй, Никанор! Поддай пистолет мне.

Баскаков. Что, тебе хочется пистолета? вон он. Я бы тебя мог сию минуту убить; но дивись моему великодушию; две минуты я даю тебе еще приготовиться. В это время ты можешь еще произнести к богу одно такое слово, за которое, может быть, уменьшатся твои муки, когда унесет твою душу ее владелец дьявол.

(Валуев бросается на него, желая вырвать

пистолет. Несколько минут они борются.)

Валуев. Я вырву таки у тебя его.

<Баскаков>. Нет, не вырвешь у честного человека крепче рука, нежели у подлеца.

(Борются еще несколько секунд, наконец, Баскакову удается навести пистолет против груди. Раздается выстрел. Валуев падает. Подымается со всех сторон лай собак. Стучат в двери. Голос в замочную скважину: Барин, отворите-с.)

<Баскаков>. Зачем?

<Голос>. Кто-то из вас выстрелил из ружья

<Баскаков>. Лжешь! Здесь никто не стрелял. Лежит, протянулся; даже не вздохнул, не помочился, ни последней <молитвы?> не молвил на смертном одре своем — смерть, отвечающая его жизни. Однако ж он жил; он имел такие же права жить, как и я, как и всякий другой. Он был гнусен, но был человек. А че-

ловек разве имеет право судить человека? Разве кроме меня нет высшего суда? Разве я был назначен его палачом? Убийство! Честный ли человек он был, подлец ли, но я все-таки убийца. Убийца не имеет права жить на свете. (Застреливается).

(Слышен собачий лай. Выламывают двери. Входят станционный смотритель и ямщики).

Станционный смотритель. Вишь, дуэль была.

Ямщик (рассматривает тела). Еще этот хрипит, а тог уже давно душу выпустил.

Станционный смотритель. Что же тут долго <думать?> Возьми-ка, Гришка, гнедого коня да ступай верхом за капитаном-исправником.

(Занавес опускается).

[II.]

ДЕЙСТВИЕ V.

Комната 1-го действия.

Ольгин (входя). Боже, как у меня сердце бьется. Я ее опять увижу. (Входит Петр). А, здравствуй, старик! Что, я могу видеть барыню?

<Петр>. Как об вас прикажете доложить?

<Ольгин>. Скажи, что управитель тот самый, котор<ый> ей рекомендован. (Петр уходит). Как всё уединенно. Я едва могу узнать прежнюю комнату. Верно, у ней не принимают никого: даже ворота заперты.

<Петр>. Барыня просила ее немножко подождать; она скоро выйдет к вам.

<Ольгин>. Послушай, старик: что, вы всегда живете так, как теперь? отчего у вас заперты ворота? Разве никто не заезжает к вам?

<Петр>. Вот то-то и есть, сударь, что мы живем бог знает как. Уж по-моему иди в монастырь, коли хочешь так жить. Гостей, объявить вам вот по чистосердечной совести, никого. Как добрый наш <барин?> жил с нами, не так было! Что за редкостные люди были, если бы вы знали! Ну, что ж будешь делать. Не захотели жить вместе да полно. А от чего? За дрянь, за пустяк, чего-то рассердились один на другого. Барыня как-то нагрубила барину; ну, не вытерпел, человек молодой, и уехал. А по мне, право, из пустяков. Ведь уж известное дело бабы, ну, так чего же тут. Вот, конечно, вам лучше примерно сказать, моя старуха. Был я три года в отлучке. Приезжаю, навстречу идет она, с радости не знает, что делать, и ребенка ведет за руку. «Здравствуй» — «Здравствуй. А откуда, жена, ребенка взяла» — «Бог дал», говорит. «Ах ты, рожа, бог дал. Я тебе дам». Ну, отломал таки сильно бока. Что ж? После простил всё, стал попрежнему жить. Что ж, ведь после оказалось, что я сам-то ведь был причиною рождения ребенка: похож на меня, как две капли воды; такой

же совсем, как я, голубчик ты мой. (Плачет). Вот уж два года тебя не знаю, и вести нет. Что-то ты, мой сердечный, жив ли ты?

<Ольгин>. Чем же, однакоже, занимается барыня?

<Петр>. Как, чем занимается? Известно, дело женское. Я вам скажу, сударь, что дела хозяйственные идут у нас бог знает как. Вот вы сами увидите. Вы спросите, отчего; а бог знает, отчего. Если бы вы увидели, как она изволит управлять, так это курам смешно. Вообразите, что сама переходит по всем избам, и чуть только где нашла больного, и пошла потеха: сама натащит мазей, тряпок, начнет перевязывать. Ну, скажите, пожалуйста, боярское ли это дело. Какое же после этого будет к ней уважение мужиков? Нет, уж коли хочешь управлять, то ты сама уж сиди на одном месте; а если что, пошли приказчика: уж это его дело; он уже обделаает, как ему следует. Мужика не балуй. Мужика в ухо, — народ простой, вынесет. А этим-то и держится порядок. При барине не так было. Ах, если бы вы знали, су-

дарь, что это был за редкостный человек. Ну, да и она редкостная барыня. Если хотите, я вам покажу комнату барина, хотя барыня никого туда не впускает и запирается сама по нескольким часам, и что она там.

<НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ>

Как нужно создать эту драму.

Облечь ее в месячную ночь и ее серебряное сияние я в роскошное дыхание юга.

Облить ее сверкающим потопом солнечных ярких лучей, и да исполнится она вся нестерпимого блеска!

Осветить ее всю минувшим и вызванным из строя удалившихся веков, полным старины временем, обвить разгулом, козачком и всем раздольем воли.

И в потоп речей неугасаемой страсти, и в решительный, отрывистый лаконизм силы и свободы, и в ужасный, дышущий диким мщением порыв, и в грубые, суровые добродетели, и в железные несмягченные пороки, и в самоотвержение неслыханное, дикое и нечеловечески-великодушное. И в беспечность за-

бубенных веков.

Отвечает сравн<ением>, иносказательно: «Правда, случается, что вол падал, издыхал, но под рукою человека, которому бог дал ум на то, чтобы сделать нож; но никогда еще не случилось, чтобы бык погибал от свиньи».

Делает распоряжения о продаже рыбы, о запасе на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуют. О покупке соли, о баштанах, хлебах, о порохе, ружьях, кунтушах для солдат. — «Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сноровка бунтовать — так, чтобы не побунтовать, не может проклятый народ; так вот у него рука чешется; дармоедничает да повесничает по шинкам да по улицам».

Монахам такого-то монастыря купить вытканые и шитые утиральники.

Рыцарские.

Не поединки, а разделяются драками; набравши с собою сколько можно больше слуг и выехавши на поле, нападает на своих противников.

Мужики

Разговор между мужиками. Вздорожало всё, дорого: За землю, ей богу, не длиннее вот этого пальца — 20 четвериков, 4 пары цыплят, к Духову дню да к Пасхе — пару гусей, да 10 с каждой свиньи, с меду, да и после каждых трех лет третьего-вола.

Рассказывают про клады и сокровище запорожцев. «Уйду на Запорожье, здесь всякий чорт тебя колотит».

Демьян превращается в кашевара, Самко в переку<пщика?>

Выдумать, как запала мысль в голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобретение, как подговорить. Лукаш говорит, что он ничего не значит, что нужно склонить полковников. Народ обступает их дома и вынуждают... И сказать, каким же образом...

Народ кипит и толчется на площади, око<ло> дома обеих полковников, требуя их при<нять> участие в деле, начальство над ними. Полковник выходит на крыльцо, увещевает, уговаривает, представляет невозможность. [Позднейший набросок карандашом среди черновиков «Шинели» в РМ5.]

Входят, возвещают и советуют бежать.

«Бегите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабят и жгут». В этом положении находя<т>. Укладывается старушка, плачет, расставаясь с прежним жилищем, где столько пробыла и откуда никуда не выходила.

Вдохновенная, небесноухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? По-прежнему ли ты глядишь на своего любимца, не изменившегося ни годами, ни тратами, и горишь и блещешь ему в очи, и целуешь его в уста и лоб? Ты так же ли, по-прежнему ли смеешься, месячный свет? О боже, боже, боже! Такие ли звуки, такие снуются и дрожат в тебе? Клянись, я слышал эти звуки, я слышал их один в то время, когда я перед окном: на груди рубашка раздернута и грудь и шея моя навстречу освежительному ночному ветру. Какой божественный, и какой чудесный и обновительный <?>, утомительный, дышущий

негой и благовоением, рай и небеса — ветер ночной. Дышущий радостным холодом ветер урывками обнимал меня и обхватывал своими объятиями и убегал и вновь возвращался обнимать меня, а черные, угрюмые массы лесу, нагнувшись, издали глядели и <над>ни<ми> стоял торжественный несмущенный воздух. И вдруг соловей... О небеса, как загорелось всё, как вспыхнуло! У, какой гром... А месяц, месяц... Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, меня свежего — того, который был. О, невозвратимо всё, что ни есть в свете.

Сказавши монолог, долго кричит. Выходит мать. «Дочь у тебя болит голова» и прочее.

— Нет, не голова. Болею я вся, болят мои руки, болят мои <ноги?>, болит грудь моя, болит моя душа, болит мое сердце. Огонь во мне. Воды, мать моя, матушка, мамуся. Дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята моя злодейка, и проклят род

твой, и прокляты те сво <слово недописано>, что кричали. Мать моя матушка, зачем ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила в церковь; ты, видно, не молилась богу; ты, видно, в нечистой воде искупалась, в ядовитом зелье, на котором проползла гадина.

Внутри рвет меня, все немило мне; ни земля ни небо, ни всё, что вокруг меня.

Отречение от мира совершенное. А между тем рисуется прежнее счастье и богатство, которое могло <...> Прощание слезное с молодыми годами, с молодыми радостями, со всем я строгое покорение судьбе. Обеты и как будет молиться, как припадать к иконе: «и всё буду плакать и ничего, никакой пищи бедному сердцу, не порадую его никаким воспоминанием».

И вдруг. Здесь встреча с соперницей в уничиженном состоянии, и всё вспыхивает вновь во всем огне и силе. Потоки упреков и злобная радость. Потом опомнивается и вспоминает об обетах, бросается на колени и просит прощения.

ВАРИАНТЫ

АЛЬФРЕД

Голос третий. Что, не видел никогда?
не видел разве

— А вот что. Когда узнали ~ женщине, будь
хоть немного ~ понимаешь...
чуть только

— А вот что. Так игуменья — вот ~ изреза-
ла себе всё лицо.
все уши

— А вот что. И как увидели эти звери —
нет ~ всех монахинь.
увидели это

— Что, как <в> вашем графстве?
ваш

— От датчан дурно, а от наших еще хуже. А
если какой-нибудь ~ хуже: так закабалят его,

что и бретон так<ого> рабства не знал.

начато: в так[ую]ое раб<ство>

— Ну, наконец, мы приободримся немного.
Теперь у нас, говорят, будет такой король, как
~ Давид.

у нас чудный

Другой. А где это за морем?

именно

— Там он обучался потому, что умный го-
род, и выучился, говорят, всему-всему, что ни
есть на свете.

выучился, говорят, он там

— Ну, да, кон<ечно>. Если бы мне довелось
побывать когда-нибудь в Риме!

начато: съ<ездить>

Другой голос. Ведь посуди ты: [выше] уж
нет никого на свете, как папа, — и епископ и
сам король ниже папы.

Ведь выше

Другой голос. Ведь посуди ты: [выше] уж нет никого на свете, как папа, — и епископ и сам король ниже папы.

сеорл

Брифрик. Я расскажу по порядку, как я его видел...

начато: Сл<ушайте>

Брифрик. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мне все<то> только половину hudes земли.

начато: чет<верть>

Брифрик. Топор больше, чем в полпуда — о, куды ~ не годится!

Топор будет

Брифрик. Топор больше, чем ~ такое острое <?> — то, что ~ не годится!

о куда

<Брифрик>. А дома и храмы ~ востры, как копье, а вот ~ нет.

востры, как копье, и шпицев совсем нет

<Брифрик>. А дома и храмы ~ круглые — совсем как бы натянутый лук, и шпиц<ев> сов<сем> нет.

совсем так <ка>к натя<нутый>

<Брифрик>. А дома и храмы ~ лук, и шпиц<ев> сов<сем> нет.

шпиц<ев> вовсе

<Брифрик>. Народу на улице — боже ты мой!

Народу гибель такая

<Брифрик>. Прежде всех пошли мальчишки ~ золотом [платях], и ~ глаза.

начато: а ход-то весь

<Брифрик>. Если бы из это<го> сукна ~ к этому ту збрую, которую пром<енял?> ~ эту мантию!

тот меч, который

Голос в народе. Ты рассказывай об папе, а

какая нужда до твоих мантий!
а не об мантии

Брифрик. Они с одной стороны сдают на епископов, только не епископы, а так, как наши таны или бароны в рясах...
или бароны в рясах... Мудренное имя

Брифрик. Не помню, шепелявое какое-то имя.
какое-то имя. Шир что ли? Так что

Голоса в толпе. Да дайте хоть назад вы-браться!
Да дайте ради бога

— Да кто же? Ты говорил!
Ты говорил! <—> Вот на

Голос в народе. — Эй, Шпинг, зачем ты ска-зал, что король едет?
ты, дурак

Брифрик. А, Кудред!
[Здравств<уй>, Кудред!] Ба, Кудред!

Эгберт. Хоть ты и простой сеорл, а я тан, но я пожимаю, потому что ты честный человек и англо-сакс.

англо-сакс. Брифрик. За что <?>

Эгберт. Я тебе буду помогать.

Я тебе буду помогать. Кисса: Эй, друг, напрасно ты [вину народа?] [это толкуешь] [после] связываешься

<Кудред>. Думал, он богач и столько имеет земли, что зачем ему бы обижать меня.
не станет обижать

<Кудред>. А он, мошенник, как только датчане ушли, совсем зачислил меня в свои рабы.

собака

<Кудред>. А теперь, когда я отлучился ~ больше 2 гидес, и отдал ~ за кладбищем.
1 гидес

<Кудред>. Я сеорл.

Я сеорл. Я мог бы

Туркил (Вульфину).

Один из народа

Кисса. Я тебе не поп.

Я не знаю этой чертовщины.

— А, при покойном короле! Храбрый был король, всю жизнь бился с этими мерзкими<?> датчанами.

Храбрый был король, да т<олько>

<Гунтинг> «...где заседали: Дунстан ~ Туркил косоглазый, как комиссары короля заседали»...

рыжий

Высокий. Чего эти бабы лезут, желал <бы я знать.> <?>.

Чего эти бабы лезут. Чего наро<д>

Кудред. Бумагу, бумагу, бумагу дай! Экой трус, изорвал...

Экой трус, изорвал... Да кто

<Вульфинг>. Гляди, какой около него строй
стоит — в толпе рыцарей, как в лесу.

Вишь ты

<Вульфинг>. А так. Сами держат руку
неприятелей.

А так. Верно

<Туркил>. Они, брат, и море заговаривают.
Они, говорят

<Туркил>. Наши всадники давно бы совла-
дали с ними...

рыцари

Туркил. Опять пошла теснота!
Дру<гой голос>

<Туркил>. — Вон и люди, как мухи, стоят
на палубе.

Видишь

<Туркил>. — Это должен быть, что блестит,
тан.

Вон

— Нет, вот тот больше блестит. Смотри —
какой шлем, какое богатое убранство!
какое богатство

(Король и свита поднимаются на лошадях
на народ).
Король поды<мается>

(Король и свита поднимаются на лошадях
на народ).
в народ

Альфред. Я сам не менее рад видеть вас и
мою отцовскую землю Англосаксию.
родитель<скую>

Король уезжает.
Король уезжает. Народ

<Туркил?>. Я думаю, латы его стоят боль-
ше, чем твоя жизнь.
больше твоей

<Туркил?>. Я думаю, латы его стоят больше, чем твоя жизнь.

жизнь. Постой, зачем

<Вульфинг?> Глянь, за ними не угнаться: они на лошадях и во всю рысь поедут в Йорк. Они на лошадях

Кисса. Дьявол ему на шею!

Ну бог с ним

Кисса. Датчан опять за море, завоюем опять Эст-Англию, Мерси ~ для пашен.

Завоюем опять Эст-Англию

Кисса. Датчан ~ разоренная страна, однако же, есть добрые земли для скота и для пашен. земля

<Эгберт>. Тебя обидел Этельбальд?

Ты жаловался на Этельбальда?

Кисса. Будь завтра в Лондоне, спроси тана Эгберта, тана из графства Сомерсетского. из графства Сомерсетского. Слышишь?

Кудред. Ну, теперь, я думаю, король укротит немного танов.

поукротятся немного таны

<Вульфинг>. Нет, еще никогда не марал рук своих в земле.

пастух никогда не марал

<Вульфинг>. Нет, еще никогда не марал рук своих в земле.

в земле. Я пастух.

<Вульфинг>. Если ты хочешь, пришлец, отдохни у меня.

отдохни у меня. У меня

<Вульфинг>. Ты будешь есть сыр и молоко, каких не сыщешь во всем Вессексе.

не сыщешь во всем Вессексе. Мы

<Туркил?>. Как христианин, не лгу! Разве вы не видите, что датский корабль!

Ей богу! Разве вы

Руальд (сверху).
с верхов

<Воины?>. Наши копья готовы.

<Воины?>. Храбрый

<Воины?>. Наши копья готовы.
Наши копья готовы. Слушай

<Губбо>. «Какой храбрый когда спрашивает о числе?» — говорил отец мой Лодб<род>, победивший на 33 сражениях.
бывший

<Губбо>. Ветер оборвал во тьме наши платья и морские брызги пронзали разгоревшиеся лица наши.

брызги нас пронзали. Капли сыпались на лицо наше.

<Губбо>. Слушай, Стемид, теперь ~ зажжем альбионские дубы, ты спой нам песню о подвиге Гримуальда.
вековые сак<сонские>

<Губбо>. Таковую, чтобы в груди всё встрепенулось: отвага, самое бешеное веселье, и руки схватились за рукояти мечей...

чтобы сердце [забилося] встрепенулось в груди и руки после по

<Губбо>. Но следует теперь сказать вам, мои товарищи, что мы будем делать. Англия земля хорошая: скота, пажитей и земель в ней много.

и земель в ней много. Это совсем не то, что

<Губбо>. В Нортумберландии и в Мерси, где уже поселились соотечественники наши, жители бедны, но здесь жилища, а более всего церкви, очень богаты, и золота в них много.

датчане

<Губбо>. В Нортумберландии и в Мерси, где уже поселились соотечественники наши, жители бедны, но здесь жилища, а более всего церкви, очень богаты, и золота в них много.

а особенно

<Губбо>. Каждому достанется на золотую цепь.

Мы можем из него наделать цепей

<Губбо>. Мечи у англо-саксов славные.

[Меч] Мечи у саксов

<Губбо>. Мы можем тут себе выбрать любые мечи и копья и всё вооружение.

Мы можем достать мечей

<Губбо>. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мне и вам: у англосаксов девы белизною ~ ланей.

так это [девушки] англосакские девки

<Губбо>. А еще я скажу теперь ~ снега, окрапленные алой кровью молодых ланей.

окрапленные румянцем крови

<Губбо>. Но стойте, товарищи!

Но стойте, товарищи! Нужно и то сказать, что

Руальд. Я себе отвоюю лучший замок во
всей Англии.
выбираю

Руальд. Что, конунг Губбо, правда ли что
есть где-то земли еще теплее?
король

Руальд. Мы с тобою, Элгад <?>, пустимся
потом далее.

Мы с тобою, Элгад <?>, пустимся потом да-
лее. Что в Англии

Губбо. Красная, как огонь, мантия, и весь
будет убран дорогими каменьями шлем.
и вся будет убрана

Губбо. Его рука поразила сто и сто десятков
витязей, и пришел король Губбо ~ отец твой.
пя<ть>дес<ят>

<Губбо>. Вы два, Авлуг и Ролло, оставай-
тесь беречь лодки.
оставайтесь при

Альфред. Благодарю, благодарю вас, благодарные таны, за ваше поздравление.

Благодарю вас

Альфред. Я надеюсь, что вы окажете с своей стороны мне всякую помощь разогн<ать> варварство и невежество, в котором тяготеет англосакская нация.

Я надеюсь и про<шу>

Сифред. 20 конных и 140 пеших стрелков.
40

<Альфред>. Я вас просил споспешествовать мне научить англосаксов искоренить грубость нравов, которая, как старая кора, пристала к ним.

споспешествовать [мне] [в] [смягчить] [грубость нравов] мне [просв<етить>] научить сак<сов>

<Эдвиг>. Хорош малый, да чуть ли к черно-книжию непристрастен и копьем плохо владеет.

да занимается

<Альфред>. Нет, Эдвиг, ты должен благодарить бога за такого сына.

Нет, Эдвиг у те<бя>

<Альфред>. Мы с ним были друзья во всю бытность в Риме.

Мы с ним очень подружились и [во всю] [жили] в бытность в Риме жили вместе

<Альфред>. Существует ли та стена, которую выстроил император Константин в Лондоне, и бани близ Иорка, <выстроенные> римлянами?

в Иорке

<Эдвиг?>. Не знаю, государь, о каких ты римлянах говоришь.

ты римлянах говоришь. Тут были только бретоны прежде, а римлян

<Эдвиг?>. Бритты были, это правда, а римлян, государь, никаких не было.

Бритты точно

<Эдвиг?>. У нас есть старики, которые помнят, как покорили саксы народ, которого храбрее еще никого не было.

англо-саксы

<Эдвиг?>. У нас есть старики, которые помнят, как покорили саксы народ, которого храбрее еще никого не было.

покорили саксы храбрый

<Альфред>. Я, любезные, хочу слышать отчет ~ брата моего Этельреда.

Я, любезные мои подданные

<Альфред>. Я, любезные, хочу слышать отчет ~ брата моего Этельреда.

Я, любезные, хочу поговорить о вас теперь же

<Альфред>. Покойный король, брат твой, храбро сражался, да сильнее перетянула сила...

перебила

<Альфред>. Они знаются с дьяволом, с ними из моря находят морские чудища.
приходят

<Альфред>. Они знаются с дьяволом, с ними из моря находят морские чудища.
чудища. Всякий скажет, что я сильно сражался. Гр<аф> Сифр<ед>: Если б я там

Сифред. Если б я имел землю в Эст-Англии или Мерси, я бы защитил ее моею рукою и руками моих вассалов, но у меня свои земли есть.

но мне нужно бы<ло> свои

Альфред. Да умели ли ~ вынести это?

Да разве вы умели свои защитить? Отчего во всем Суссексе и Кенте церкви пусты? Отчего пажити опустошены? Малолюдный брит датчан издевался над вами, а вы вынесли это? С конями <?> и хорошо вооруженные христиане могли вынести это?

Альфред. С конями <?> и хорошо вооруженные христиане могли вынести это?

христиане могли вынести это? Граф Эдвиг, берясь за меч: Чорт возьми! Я этого невежу

Альфред. — Bravo, o король! — Вот король! — Прозорлив, как горный орел!

Bravo, король! Такого нам нужно короля!

<Сифред?>. Я никогда не был бесчестным и всегда готов, и если бы граф Мидл<ьсекс?> тан

Арвальд. Все таны нарочно собрались, но некого было избрать в епископы. Не нашли такого, который мог бы читать святое письмо.

собрались для этого да некого было избрать. Епископа не нашли ни одного, который

<Альфред>. Будто уже в Англии нет ни одного священника, уме<ющего> читать? Ведь еще отцом Этельваль<дом> заведена была коллегия.

Неужели? Боже мой, куда это я заехал. Но что же ведь

<Альфред>. — Коллегии давно уж нет.
Нет, король, давно уж нет коллегии

<Альфред>. Или Англия состоит вся из трусов или в самом деле датчане...
Или вы трусы

Король. Нам приходится сию минуту думать о вооружении. Нечего делать, нужно всё отложить в сторону.

Теперь предстоит вам случай показать на деле вашу храбрость и высокое происхождение

<Альфред>. Дай боже силы!..
Дай силу боже

Альфред. Какое черное невежество веет от Кедоваллы!
дышет

Альфред. Вы видели, с каким криком и острым копьём стремились в наши ряды эти морские люди.

в наши ряды эти морские люди и как имя
Одена их языческого

Альфред. Потому что призывали поминутно языческого бога их Одена, который — пыль и прах перед богом христианским.

языческого бога их Одена. [Я никогда чтобы]. Они как ураганы вскачь неслись. А вы

Альфред. А вы не надеетесь!

А вы не надеетесь! Вам за Хри<ста>

Саксонцы встречают копьями.

Саксонцы встречают грудью и

Альфред. Святой Георгий на белом <коне> за нас!

[Святой архангел] Я вижу

Губбо. Уста мои запеклись, язык сохнет, а Ингвар мой не летит на помощь!

Ингвар мой не летит на помощь! Вот тебе

<Губбо>. Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьи<ми> бы то

ни было рабами?
согласят<ся>

<Губбо>. Клянусь моим Оденom, моею сбру-
ею, моим ~ клятвы, да будем желты, как медь
на латах наших!
да пожелтеем

<Губбо>. Не сегодня — завтра, не здесь — в
другом месте, нанесут наши ладьи гибель
неприятелям, носящим золотое убранство...

наши ладьи гибель богатым

ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ДРАМЫ

I.

<Баскаков>. Подлец последней степени, мошенник, заклеянный печатью позора, для которого одна награда — виселица, и ~ честь мою?

Подлец последней степени, мошенник, заклеянный печатью позора, для которого нет дела, како<го> <?> <1 нрзб.> бы он с готовн<остью>

<Баскаков>. Я требую удовлетворения за вашу обиду.
свою

<Баскаков>. Вы нанесли мне такую обиду, за которую <пропуск> омыть кровью.

Вы нанесли мне такую обиду, за которую я требую

<Валуев>. Я не в силах более перенести этого!

в рукописи ошибочно: Баскаков.

Баскаков. Я бы тебя мог сию минуту убить;
но дивись моему великодушию; две минуты я
даю тебе еще приготовиться.
знай

Стучат в двери.

Стучат в двери. Барин, отвори

<Баскаков>. Лежит, протянулся; даже не
вздыхнул, не помолился, ни последней <мо-
литвы?>
не слышал

<Баскаков>. Лежит, протянулся; даже ~ од-
ре своем — смерть, отвечающая его жизни.
страшная смерть

[III.] ДЕЙСТВИЕ V.

<Ольгин>. Я ее опять увижу.

Я ее опять увижу, буду говорить с ней

<Ольгин>. Скажи, что управитель тот са-
мый, котор<ый> ей рекомендован.

что

<Петр>. Приезжаю, навстречу идет она, с радости не знает, что делать, и ребенка ведет за руку.

начато: и ребен<ка>

<Петр>. Вы спросите, отчего; а бог знает, отчего.

Вы спросите, отчего; а бог знает, отчего.

а. Начато: дело не

б. это дело совсем не женское

<Петр>. Вообразите, что сама переходит по всем избам, и чуть только где нашла больно-го, и пошла потеха: сама натащит мазей, тряпок, начнет перевязывать.

и давай

<Петр>. Вообразите, что сама переходит по всем избам, и чуть только где нашла больно-го, и пошла потеха: сама натащит мазей, тряпок, начнет перевязывать.

пошла потеха: сама то есть я вам скажу

<Петр>. Нет, уж коли хочешь управлять, то ты сама уж сиди на одном месте; а если что, пошли приказчика: уж это его дело; он уже обделаает, как ему следует.

не ходи

<Петр>. А этим-то и держится порядок.

А между этим-то

<НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ>

<Петр>. Облечь ее в месячную ночь и ее серебряное сияние я в роскошное дыхание юга.

теплое

<Петр>. Облить ее сверкающим потоком солнечных ярких лучей, и да исполнится она вся нестерпимого блеска!

Осветить

<Петр>. И в потоп речей неугасаемой страсти, и в решительный, отрывистый лаконизм

~ нечеловечески-великодушное.
и в решительную резкую

<Петр>. И в потоп речей ~ самоотвержение
неслыханное, дикое и нечеловечески-велико-
душное.

неслыханное велик<ое>

Мужики. За землю, ей богу, не длиннее вот
этого пальца — 20 четвериков, 4 пары ~ вола.

После «ей богу» начато: а. не больше б. ма-
ло чем длиннее

Вдохновенная, небесноухающая, чудесная
ночь.

О боговдохновенная

Вдохновенная, небесноухающая, чудесная
ночь.

Вдохновенная, чудесная

Такие ли звуки, такие снуются и дрожат в
тебе?

Такие ли звуки, такие снуются и дрожат в
тебе, которые мне одному ты давал слышать

Клянусь, я слышал эти звуки, я ~ ночному ветру.

Я

Клянусь, я слышал эти звуки, я слышал их один в то время, когда я перед ~ ветру.

Клянусь, я слышал эти звуки, я слышал их один в то время, когда пе<ред>

Клянусь, я слышал ~ и грудь и шея моя на-встречу освежительному ночному ветру.

Клянусь, я слышал ~ и грудь и шея моя те-бе

Какой божественный, и какой чудесный и ~ ночной.

какой чудесный освежительный

Дышущий радостным холодом ветер ~ воз-дух

Начато исправление: а. Исполненный хо-лод<ным> б. Исполненный молод<ым>

Дышущий радостным холодом ~ обхваты-

вал своими объятиями и ~ воздух.

Начато исправление: а. своим пламенем б.
пламенем своим

А месяц, месяц...

А месяц, месяц... О месяц! Боже, боже, бо-
же.

Огонь во мне.

Огонь во мне. Горю я вся

А между тем рисуется прежнее счастье и
богатство, которое могло <...>

А между тем рисуется сов<ершенное?>

Потом опомнивается и вспоминает об обе-
тах, бросается на колени и просит прощения.

бросается на колени и говорит прост<и>

КОММЕНТАРИИ

АЛЬФРЕД

«Альфред» — незаконченное драматическое произведение Гоголя, задуманное и частично набросанное им, по-видимому, в 1835 году. При жизни Гоголя оно не было напечатано и дошло до нас только в единственном автографе, находящемся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (рукопись ЛБ27). «Альфред» занимает там листы 10–13, заполненные с оборотом (лл. 11 и 13 об. не дописаны до конца, л. 13 заполнен текстом лишь наполовину).

Автограф — без заглавия, в нем есть поправки, вставки, зачеркнутые слова и фразы, пропуски букв в словах и слов в фразах, недописанные слова и т. д. Драма записана сплошным текстом, почти без абзацев и нередко без распределения сценической речи между отдельными действующими лицами. Пьеса писалась, безусловно, по тщательно продуман-

ному плану, потому что уже в дошедшем до нас начале ее намечен круг основных действующих лиц, речи каждого персонажа индивидуализированы и заключают в себе ряд намеков, которые должны были развернуться в следующих актах пьесы. Авторская правка рукописи в процессе работы над пьесой только подтверждает наличие твердого плана: она имеет характер лишь стилистический и не меняет общего замысла и композиции вещи. Но записана драма очень неровно: начало первого действия, почти без помарок, написано неторопливым почерком и дает возможность предположить, что эта часть была раньше уже набросана вчерне; к концу рукопись приобретает все более черновой характер.

Сохранившиеся отрывки начала драмы были впервые напечатаны П. А. Кулишом в приложении к «Запискам о жизни Н. В. Гоголя» (СПб, 1856 г., т. II, стр. 281–304), под заглавием «Набросок начала безыменной трагедии из английской истории». В следующем году он же перепечатал ее в «Сочинениях и пись-

мах Гоголя» (СПб, 1857 г, т. II, стр. 543–564), озаглавив: «Альфред. Начало трагедии из английской истории», откуда пьеса перепечатывалась механически вплоть до 1889 г. [О работе Кулиша над автографом «Альфреда» см. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. Ред. и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб, 1913, стр. 20.] Текст напечатан Кулишом с большими ошибками, искажениями собственных имен и названий и т. д. Очень значительные исправления в текст внес Н. С. Тихонравов, сверивший пьесу по автографу и напечатавшие ее в V томе 10-го издания Сочинений Гоголя (М., 1889). По уже намеченной Кулишом канве Тихонравову легче было разобраться в рукописи Гоголя. Кроме того, им был найден один из источников драмы — книга Галлама «Европа в Средние века», из которой Гоголь в 1834 г. делал выписки под заглавием «Англия Англо-Саксонская», подготавливая материал к университетскому курсу истории средних веков. По этой книге Тихонравов сделал ряд поправок в чтении имен действующих лиц, юридических терминов, названий местностей и т. п.

II.

В текст «Альфреда» нами внесен ряд исправлений, сравнительно с публикацией его Н. С. Тихонравовым. Отметим реплику Киссы (см. стр. 470, строки 3–8 снизу, «Сочинений Гоголя», изд. 10, т. V, М., 1889 г.), включенную Тихонравовым в основной текст. Эта реплика (л. 10 об. рукописи) представляет собой незаконченную, наполовину зачеркнутую фразу, не связанную с дальнейшим текстом драмы. Поэтому мы отнесли ее в варианты. Рядом с этой репликой, на соседней странице (л. 11 рукописи), Гоголем набросаны несколько фраз («А я расскажу — если мог...»). Возможно, что этот набросок должен был служить заменой вычеркнутого текста. У Кулиша и Тихонравова он был напечатан в основном тексте, вслед за вычеркнутой репликой Киссы. Мы помещаем эту вставку в сноске к основному тексту. Вместе с тем нами включены в основной текст три вставки, имеющиеся на полях автографа. Первая: «Ай что ты так теснишь» — записана наверху л. 10 рукописи, над началом драмы, непосредственно над словами «Действие 1». Мы ее ставим первой фразой, начинающей

драму, следуя Кулишу и Тихонравову. Вторую: <морские брызги> «пронзали разгоревшиеся лица наши» (л. 12 рукописи) — мы ввели в основной текст, как последнюю редакцию, взамен фразы: «морские брызги нас пронзали. Капли сыпались на лицо наше». И третья: «Мои латы, которые окропил епископ два года назад, в первый раз пробиты <?>» (л. 13 рукописи) — внесена нами в текст речи Кедоваллы. Возглас Ринальда: «Оден! Готовь мне место в Валгале!» повторяется в рукописи дважды (на л. 13 обор.). Хотя первая запись и не зачеркнута Гоголем, но мы считаем, судя по дальнейшему тексту, что она заменена другой фразой («Нет, король — взгляд»), поэтому мы оставляем в основном тексте лишь вторую запись. Гораздо больше сомнений вызывает правильность разделения на отдельные реплики текста, написанного Гоголем без абзацев и распределения этих реплик между персонажами драмы. Во многих случаях мы допустили иные разделения текста на абзацы и иное распределение реплик, чем в издании Тихонравова.

Лишь в некоторых случаях мы отступаем от рукописи, исправляя явные описки Гоголя. Надо отметить колебания Гоголя в написании некоторых имен, которые он пишет по-разному: Игвар — Ингвар; Шпинг — Шпин; Нуббо (с латинским Н), Уббо и Губбо (в большинстве случаев); Кедровла, Кедрова и Кедровалла (в большинстве случаев); Руалд — Руальд и т. д.

Сохранившиеся черновики «Альфреда» Н. С. Тихонравов относил к октябрю 1835 г., связывая возникновение пьесы с университетскими лекциями Гоголя по всеобщей истории. Летом 1835 г. Гоголь очень интересовался некоторыми книгами по истории Англии и просил о спешной высылке их ему из Петербурга (см. письмо к Н. Я. Прокоповичу от 24 июля 1835 г.).

Личность короля уэссекского Альфреда (849–901), замечательнейшего из правителей англо-саксонской Британии, победителя вторгшихся туда скандинавских дружин (878), преобразователя и устроителя государства, законодателя, ученого и писателя, с дав-

них пор привлекала в себе внимание художественной литературы английской, немецкой и французской. Однако Гоголю едва ли могли быть известны даже те из этих произведений (поэмы, романы и драмы), которые имелись в русском переводе или обсуждались в русской печати. [Подробный обзор всех этих произведений в связи с анализом замысла Гоголя см. в статье М. П. Алексеева «Драма Гоголя из англосаксонской истории» в сборнике: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования» т. II, Лгр., 1936, стр. 242–285. Дополнительно укажем на не упомянутую в этой статье драму «Альфред» в книге: «Домашние вечера, или открытый детский ящик для наставления и удовольствия юношества», т. I, СПб. 1832 г., стр. 44–58.]

Главными источниками пьесы, давшими Гоголю материал для построения ее сюжета, для исторического и социально-бытового фона его драмы, явились несколько книг, протудированных Гоголем для его университетских чтений. Это были книга английского историка Галлама «Европа в Средние века»

(1818), известная ему во французском переводе 1821 г., и «История Англии» французского протестанта XVII в. Рапена де Туараса (Rapin de Thoyras), имевшаяся в старом русском издании.

Книга Галлама пригодилась Гоголю для общей характеристики времени, к которому отнесено действие его пьесы, а также многими подробностями из истории социальных и правовых отношений в Британии конца IX века. Так, из книги Галлама Гоголь извлек и занес в свою записную книжку свидетельство о том, что у англо-саксов кёрли (свободные земледельцы) не были прикреплены к земле, которую они обрабатывали: в пьесе эта запись в несколько переработанном виде дала жалобу Кудреда на королевского тана (крупные землевладельцы, представители родовой аристократии) Этельбальда; в другом месте Гоголь воспользовался юридическим документом англо-саксонской эпохи, приведенным в книге Галлама, и включил его в свою пьесу, оживив диалогом.

Книга Рапена де Туараса снабдила Гоголя несколькими повествовательными эпизодами (так, из второй части «Истории Аглинской» Гоголь взял историю разграбления датчанами женского монастыря в Колдингаме, о котором в пьесе вспоминает один из англосаксов) и рядом бытовых деталей; отсюда же Гоголь взял большую часть англо-саксонских и скандинавских имен, оставшихся у него в той, нередко ошибочной, транскрипции, какою пользовался русский переводчик XVIII века например, Кедовалла (вместо правильного Кеодвалла — Ceodwalla) и др. Не зная англо-саксонского произношения, Гоголь в «Альфреде», вообще говоря, неправильно передал по-русски многие собственные имена и юридические термины, находясь иногда под влиянием французских источников: англо-саксонское слово кёрль (seorl) Гоголь систематически пишет сеорл, термин hide, гайда, Гоголь передает через гидес, ошибаясь при этом и в значении слова, которое означает не земельную меру, а семейный надел.

Помимо указанных источников Гоголь, ве-

роятно, воспользовался для своей пьесы книгой Огюстена Тьерри «История завоевания Англии норманнами» («Histoire de la conquête de l'Angleterre par les normands», 1825) и, может быть, переводами скандинавских саг и песен скальдов, интерес к которым сильно возрос после статьи Сенковского о «Скандинавских сагах» (1834).

Так как в основу пьесы должны были быть положены исторические события, то мы можем, хотя и в общих чертах, предположить, как шло бы ее дальнейшее развитие в ненаписанных частях. Уже Н. Г. Чернышевский, на основании первой и весьма неточной публикации «Альфреда» П. А. Кулиша, догадывался о том, что «идея драмы была, как видно, изображение борьбы между невежеством и своеволием вельмож, угнетающих народ... и Альфредом, распространителем просвещения и устройтелем государственного порядка».[Сочинения Н. Г. Чернышевского, 1906 г., т. II, стр. 382–383.] Действительно, продолжением второго недописанного акта пьесы, очевидно, должна была бы служить сцена нарас-

тающего у англо-саксонского дворянства недовольства Альфредом и, может быть, сцена его нового поражения в битве с датчанами. О последующем приходится лишь догадываться. Исторические свидетельства и легенды об этом короле, много раз служившие основой для воссоздания его облика в художественной литературе, очевидно, могли также привлечь внимание Гоголя. По этим легендам, Альфред после своего поражения бежал сначала в пустынную местность, жил некоторое время среди простого народа, постепенно собрал дружину, которая грабила датчан и передавшихся им англо-саксонских аристократов, а затем, сосредоточив свои силы, одержал над скандинавами полную победу.

Несмотря на то, что пьеса Гоголя занимает обособленное место в его творчестве, как единственный опыт драмы на тему из всеобщей истории, в идейном смысле «Альфред» не выпадает из общей истории его творческой эволюции. Несомненно, что конец пьесы должен был служить прославлению короля, преодолевшего сопротивление вельмож и

осуществляющего задуманные им широкие реформы.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ДРАМЫ

Отрывки напечатаны впервые в 1881 г. в газете «Русь» (№ 12). Единственным источником текста является гоголевский автограф, хранящийся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Отрывки написаны на двух сторонах большого листа, вырванного из большой тетради. Первый отрывок занимает лицевую сторону листа, что видно по следам отрыва, которые приходятся слева; наверху неразборчивый (в отличие от всего текста, написанного четким почерком) конец какой-то реплики (по-видимому, правка, относящаяся к предшествующему тексту). На обороте листа второй отрывок. Бумага, почерк и чернила, как отметил Н. С. Тихонравов, [Сочинения Гоголя, 10 изд., том V, М., 1889 г, стр. 555.] обнаруживают большое сходство с автографом «Женихов», что дает основание датировать отрывки приблизительно тем же временем. По всей вероятности, это самые ранние драматические по-

пытки Гоголя, предшествующие «Женихам»; их можно отнести к 1832 г.

Между двумя отрывками, из которых первый представляет финал какого-то акта, а второй начало другого (пятого), не видно никакой связи. Персонажи, действующие и упоминаемые во втором отрывке, отсутствуют в первом. В первом отрывке изображается кровавая мелодраматическая сцена; второй отрывок имеет экспозиционный характер и мало похож на продолжение первого отрывка. Поэтому нельзя даже утверждать с полной уверенностью, что оба отрывка являются кусками одной и той же драмы, хотя заголовок второго отрывка («Действие V») и заставляет это предполагать. Приподнятый декламационный стиль первого отрывка очень близок к стилю юношеской драмы Белинского «Дмитрий Калинин» (1830–1831 гг.).

НАБРОСКИ ДРАМЫ ИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

Данные наброски впервые напечатаны П. А. Кулишом в 1861 г в «Основе» (№ 1, стр. 116–120) по автографу Гоголя, являющемуся единственным источником текста. Наброски сделаны в разбивку на зеленых и белых листах, сложенных тетрадкой в восьмушку; один набросок находится на отдельном, сложенном вдвое белом листе ватманской бумаги с фабричной маркой «Whathman Turkey Mill 1838». Этой маркой определяется дата набросков — не ранее 1838 г. Вперемежку с набросками драмы идут выписки из книг по истории Украины, конспекты и пр.

Ввиду случайного расположения набросков в автографе мы печатаем их здесь не по порядку страниц, на которые они нанесены, а группируя их по основным темам. Такая группировка позволяет хотя бы приблизительно наметить материал и содержание задуманной драмы.

После начального отрывка, который содержит общую характеристику будущей драмы, следуют (по принятому нами порядку) три отрывка, где речь идет о польском пане. Он выражает презрение к «мужикам» и казакам, сравнивая их со свиньями («никогда еще не случилось, чтобы бык погибал от свиньи»), негодует на «мужицкую и казацкую сноровку бунтовать» и т. д. Он же, в числе прочих хозяйственных распоряжений, приказывает купить монахам «утиральники», чем подчеркивается его преданность католической церкви. Сюда же относится и общая характеристика «рыцарских» обычаев.

Далее говорится о бесправном положении «мужиков», о тяжелых поборах и насилиях, которым они подвергаются со стороны панов, и т. д. Все подробности об этом точно соответствуют, как указал Тихонравов, [Сочинения Гоголя, 10 изд., том V. М. 1889 г., стр. 676.] находящейся в той же пачке листков выписке из «Истории Украины» Боплана (1650), в русском переводе Ф. Устрялова (1832 г.). Выписке из Боплана придана форма «разговора между

мужиками». В драме должны были фигурировать двое крестьян: Демьян и Самко, [Имя Самко встречается в сборнике украинских песен М. Максимовича («Украинские народные песни», часть 1, 1834 г., стр. 28):

Самко Мушкет думает, гадает, словами промовляет:

А ще як наше казачество, мов у пекли, ляхи спалить...

См. комментарий И. Я. Айзенштока к «Тарасу Бульбе» во II томе Н. В. Гоголь АН СССР, стр. 725.] которые убегают от панского гнета на Запорожье: «Уйду на Запорожье, здесь всякий чорт тебя колотит».

Героем драмы является, очевидно, «молодой дворянин» из казацкой Украины. В страстном монологе выражаются его восторженный мечтательный характер и одушевляющая его потребность подвига. Вместе с запорожцем Лукашем, он задумывает поднять казаков против Польши для освобождения своих единоплеменников от ига. «Чисто казацкое изобретение», при помощи которого они возбуждают народ, вероятно, аналогично хит-

рости, к которой прибегнул Тарас Бульба для достижения той же цели. Далее должна была следовать картина нашествия «ляхов».

Социально-политическая драма осложняется любовным конфликтом, которому посвящены последние (по нашему распределению) отрывки (жалобы девушки, покинутой героем; ее «отречение от мира», встреча с соперницей). [Неудачную попытку расшифровки гоголевских набросков сделал И. М. Каманин. См. его статью «Несколько слов об исторической драме Гоголя», сборник «Памяти Гоголя». Киев, 1911 г., стр. 91–98.]

Герой — и своей пылкой мечтательностью и своей сюжетной ситуацией (политическая тема, осложненная любовью) — отчасти напоминает Андрия из «Тараса Бульбы». Замысел драмы находится в явной связи с «Тарасом Бульбой», к переработке которого Гоголь приступил в 1839 г.; возник он под влиянием тех же источников, какими Гоголь пользовался и для своей повести («История Украины» Боплана в переводе Ф. Устрялова, 1832 г.; М. Макси-

мович «Украинские народные песни», 1834 г. и т. д.). [См. комментарий И. Я. Айзенштока к «Тарасу Бульбе».]

Первое указание на этот замысел мы встречаем в письме Гоголя к Шевыреву от 10 августа 1839 г. из Вены. Говоря о «начатом» им «драматическом творении», он, несомненно, имел в виду драму из украинской истории. 15 августа 1839 г. он писал Погодину из Мариенбада: «Малороссийские песни со мною. Запасаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариной». Сюда же относятся и строки из письма к Шевыреву от 25 августа 1839 г. из Вены: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества... Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается». В ноябре—декабре 1839 г. (в Петербурге) Гоголь рассказывал С. Т. Аксакову, что «у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, даже до последней нитки в одежде дей-

ствующих лиц».[«История моего знакомства с Гоголем». М., 1890 г., стр. 377.] О том же он говорил и М. С. Щепкину в январе-мае 1840 г. (в Москве), причем, как передает, со слов Щепкина, П. А. Кулиш, называл свое будущее произведение «драмой за выбритый ус».[П. А. Кулиш. «Записки о жизни Гоголя», 1856 г., том I, стр. 252.] Н. А. Панов писал С. Т. Аксакову в октябре 1840 г., что Гоголь «угостил» его началом «трагедии», где было одно комическое лицо, которое, как говорил Панов, «выражаясь не столько в действии, сколько в словах», и тогда уже было «совершенством».[Там же стр. 350 Письма Н. В. Гоголя, под ред. В. И. Шенрока, т. III, стр. 89.] По всей вероятности, именно к украинской исторической драме относится и сообщение В. Ф. Чижова о «трагедии», которую Гоголь читал Жуковскому во Франкфурте в сентябре 1841 г. и бросил в огонь, когда увидел, что она Жуковскому не понравилась. [П. А. Кулиш. «Записки о жизни Гоголя». Сводку данных о драме из украинской истории см. Ю. Оксман, «Сожженная трагедия Гоголя» («Атеней», «Труды Пушкинского Дома», книга 3, 1926 г., стр. 46–58).]